

А.А. Гусев

Репрезентационализм и два тезиса прозрачности опыта

Гусев Александр Андреевич – аспирант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sanya.cfg@yandex.ru

Статья посвящена проблеме разделения репрезентативных (интенциональных) и феноменальных (квалитативных) аспектов сознательного опыта. Цель работы – рассмотреть преимущества редуктивного репрезентационализма как философской теории сознания, в рамках которой феноменальный аспект редуцируется к репрезентационному содержанию. Новизна исследования заключается в том, что автор разбирает один из главных выдвинутых в пользу репрезентационализма аргументов, не получивший подробного анализа в русскоязычной литературе, – аргумент от «прозрачности опыта». Этот аргумент, базирующийся в первую очередь на случае визуального восприятия, нацелен на то, чтобы показать отсутствие некоего внутреннего феноменального аспекта нашего опыта, не связанного с качествами внешних объектов. Автор предлагает свою дихотомию интроспекции визуального опыта, способную усилить позицию редуктивных репрезентационалистов. Он обращается к работе Э. Кайнд, в которой она предложила собственное прочтение данного аргумента, выделив его сильную и слабую версии. Далее, в результате анализа позиции С. Шумейкера – как защитника слабой версии аргумента – автор приходит к выводу, что Шумейкер подменяет эпистемически простое понятие квалиа метафизическим, не схватывающимся в теоретически ненагруженной интроспекции визуального опыта. В заключение формулируется предположение, согласно которому, хотя репрезентационализм вряд ли способен помочь в натурализации сознания в рамках антифизикалистских дебатов, все же подобный взгляд на ментальное может сыграть роль моста между субъективистской онтологией сознания и объективистской онтологией естественных наук.

Ключевые слова: философия сознания, философия восприятия, репрезентационализм, квалиа, феноменальное сознание, интенциональность, интроспекция, чувственные данные

Введение

В начале XX в. в аналитической философии главенствовала следующая интуиция о перцептивном опыте. В акте восприятия перед нами предстают некие чувственные данные (*sense-data*), в наличии которых невозможно сомневаться. Например, у кого-то есть визуальный опыт, содержащий красное яблоко, которое лежит на столе. Человек может сомневаться насчет того, является ли яблоком то, что ему представлено, красное ли оно на самом деле и т. д., но он может быть совершенно уверенным, что перед ним находится какой-то объект, который дан ему в визуальном опыте прямым и непосредственным образом. Одним из тех, кто отстаивал подобный взгляд на перцептивный опыт, был влиятельный оксфордский философ восприятия Г. Прайс. В следующей цитате из его работы 1932 г. «Восприятие» отражен ключевой тезис, вокруг которого строились дискуссии о природе перцептивного опыта, об отношении этого опыта к миру, а также проблеме галлюцинаций:

Когда я вижу помидор, я могу сомневаться во многом. Я могу сомневаться в том, помидор ли то, что я вижу, или это ловко покрашенный кусочек воска. Я могу сомневаться, есть ли там вообще что-то материальное. Возможно, то, что я принял за помидор, на самом деле было отражением; возможно, я даже жертва какой-то галлюцинации. Однако я не могу сомневаться в том, что существует красное пятно округлой и несколько выпуклой формы, выделяющееся на фоне других цветовых пятен и имеющее определенную визуальную глубину, и что все это цветное поле непосредственно присутствует в моем сознании. Что такое красное пятно, физическое оно или психическое, или ни то и ни другое, – это вопросы, в которых мы можем сомневаться. Но это что-то красное и круглое и тут я не могу сомневаться [Price, 1932, p. 3].

Но, отталкиваясь от такого довольно нейтрального эпистемического тезиса и прибавив к нему аргумент от галлюцинации, можно прийти к довольно сильному метафизическому следствию: весь наш перцептивный опыт – это лишь чувственные данные – нефизические сущности, которые являются посредниками между познающим субъектом и внешним миром. В общих чертах, аргумент от галлюцинации заключается в совмещении следующих допущений:

феноменальный принцип (*phenomenal principle*) – если в восприятии нам дано некое свойство, допустим, краснота томата, то должен быть объект, которому это свойство принадлежит;

феноменальная (качественная) неразличимость достоверного и иллюзорного (галлюцинаторного) *опыта* – в своих качественных характеристиках галлюцинаторный объект неотличим от объекта достоверного восприятия.

Можно представить аргумент в виде следующего комплексного рассуждения.

1. В случае галлюцинации нет физического объекта, которому принадлежат качественные характеристики, воспринимаемые субъектом.
2. Если в случае галлюцинации нет физического объекта, которому принадлежат качественные характеристики, воспринимаемые субъектом, то, значит, эти качественные характеристики

3. принадлежат нефизическому объекту.
4. Если эти качественные характеристики принадлежат нефизическому объекту, то в случае галлюцинации мы всегда воспринимаем лишь свойства нефизических объектов.
5. Следовательно, в случае галлюцинации мы всегда воспринимаем лишь свойства нефизических объектов.

Неудивительно, что, по мнению теоретиков чувственных данных, единственным подходящим кандидатом на роль таких нефизических носителей качественных характеристик объектов будут чувственные данные. Далее возможно обобщение на все случаи перцептивного опыта.

6. Качественные характеристики объектов опыта в случае галлюцинации и достоверного восприятия неразличимы.
7. Если качественные характеристики объектов опыта в случае галлюцинации и достоверного восприятия неразличимы, то мы всегда воспринимаем только нефизические чувственные данные.
8. Следовательно, мы всегда воспринимаем только нефизические чувственные данные.

В конечном счете, если мы будем последовательны, то все это приводит к классической картезианской картине мира, где ментальное и физическое отличны в онтологическом статусе, а скептицизм относительно существования внешнего мира и возможности его познания становится весьма весомой альтернативой реалистическим установкам здравого смысла. Подобные нюансы мотивировали философов на концептуальную борьбу с теорией чувственных данных [Barnes, 1944; Austin, 1962]. Впоследствии она была низвергнута с лидирующих позиций в философии сознания и восприятия, уступив место американскому прочтению понятия интенциональности. Г. Робинсон (редкий представитель современной апологетики теории чувственных данных) вслед за другими мыслителями считает, что ключевая особенность интенционалистского взгляда на ментальные состояния – так называемое «интенциональное несуществование» (*intentionally inexistent*): «Я могу думать о единорогах, хотя единорогов не существует. “Несуществование” обозначает такую идею, согласно которой нечто является одновременно подлинным объектом акта [ментального] и в то же время оно нереально» [Robinson 1994, p. 176]. Таким образом, применяя подобную конструкцию по отношению к перцептивному опыту, мы можем блокировать аргумент от галлюцинации, поскольку случай с несуществующим галлюцинаторным объектом объясняется в терминах интенциональных объектов, а не чувственных данных, поэтому допускается наличие таких объектов, экземпляры которых могли бы и вовсе никогда не существовать. Но с таким подходом связаны различные трудности. Главная из них заключается в том, что в интенционалистской оптике игнорируются существенные различия между феноменальными (качественными) характеристиками перцептивного опыта и другими видами ментальных состояний, которые обычно ассоциируются с репрезентативной природой интенциональности. Именно этой проблеме и будет посвящена настоящая статья.

Интенциональность и феноменальный характер опыта

Уже во второй половине XX в. в аналитической философии сознания можно было наблюдать резкое разделение сознательного опыта на два аспекта: интенциональный (репрезентационный) и феноменальный (качественный) [Kind, 2010]. Американский философ Н. Блок комментирует эту ситуацию следующим образом: «Величайшая пропасть в философии сознания – а может быть, даже всей философии – разделяет два взгляда на сознание. Эти перспективы различаются между собой по вопросу, существует ли нечто в феноменальном характере сознательного переживания, что выходит за рамки интенционального, когнитивного и функционального» [Block, 2003, p. 1].

Благодаря интенциональному аспекту, по мнению Г. Хармана, опыт имеет содержание, которое репрезентирует вещи как существующие определенным образом [Harman, 1990, p. 34]. Часто это мотивировано реалистической установкой в отношении существования объектов внешнего мира. Феноменальный же характер опыта (квалиа), как замечает А. Берн, трудно объяснить, но легко понять [Burne, 2001, p. 200]. Например, его связывают с «каково это» (what it is like) Т. Нагеля: каково это – видеть красный цвет, ощущать вкус клубники, слышать пение птиц, чувствовать боль, испытывать богатейшую палитру эмоций. «Некий организм обладает сознательными ментальными состояниями, – поясняет Д.В. Иванов, – если и только если имеется нечто, подобное бытию этим организмом, – нечто данное каким-то образом самому этому организму» [Иванов, 2013, с. 65]. Таково одно из самых широких понятий квалиа (qualia), используемое в литературе по аналитической философии сознания.

Парадигмальные примеры интенциональных состояний сознания – убеждения и желания, когда имеется содержание, но есть веские основания считать, что феноменальная характеристика отсутствует [Нагуманова, 2012, с. 120]. Эти случаи хорошо выражаются через такие пропозиции, как «х убежден в том, что динозавры вымерли», «х желает, чтобы ученые нашли хотя бы одного выжившего динозавра» и т. д.

Парадигмальными примерами ментальных состояний, связанных с феноменальным аспектом, но не имеющих пропозиционального содержания, а значит, и интенционального аспекта, являются телесные ощущения и эмоции: «х испытывает боль», «х очень зол». Существует мнение, согласно которому, данные феномены не могут удовлетворительно отображаться в пропозициональной форме, поскольку теряют при этом свою субъективистскую начинку.

Стоит отметить, что в литературе иногда используется именно термин «феноменальный характер», отделенный от термина «квалиа», поскольку, как будет показано дальше, это позволяет придерживаться нейтральной позиции, в рамках которой можно избежать отождествления феноменального характера со свойствами самого опыта.

В последние десятилетия наблюдается тенденция совмещения этих разделенных в рамках аналитической философии аспектов. Правда, попытка примирения, инициированная из стана философов, которые симпатизируют интенционализму, похожа на поглощающее наступление. Избегая сепаратизма, не позволяющего рассматривать сознательный опыт во всей его полноте,

интенционалисты (репрезентационалисты) пытаются дать полный отчет о феноменальном аспекте в терминах своего словаря, который часто связан с функционалистской добавкой. Это подразумевает редукционистский путь, не устраивающий многих философов сознания, в частности, Д. Чалмерса, который известен в первую очередь своим серьезным отношением к феноменальным свойствам ментальных состояний: «Естественно думать, что удовлетворительный взгляд на сознание должен уважать как интенциональную структуру опыта, так и его феноменологический характер» [Chalmers, 2004, p. 153].

Но сторонники редуктивного репрезентационализма полагают, что содержание и способ репрезентации можно выразить в физических и функциональных терминах, не обращаясь к феноменальным понятиям [Нагуманова, 2011, с. 168]. Таким образом, редуктивный репрезентационализм, по мнению одного из главных его представителей М. Тая, заключается в тезисе, согласно которому феноменальный характер опыта – это то же самое, что и репрезентативное содержание, только удовлетворяющее некоторым дополнительным условиям [Tue, 2002, p. 137]. Приведенный тезис составляет суть *сильного* или *чистого* репрезентационализма, отождествляющего феноменальное с интенциональным. Более слабый тезис может быть связан с отношением *супервентности* (supervenience), когда супервентный базис в виде репрезентативного содержания влечет за собой феноменальный аспект. То есть при одинаковом репрезентативном содержании с необходимостью присутствует одинаковый феноменальный аспект [ibid., p. 137]. Как отмечает сам Тай, на принятие сильного редуктивного репрезентационалистского тезиса его мотивирует так называемый *аргумент от прозрачности опыта* (transparency of experience), благодаря которому становится возможной попытка элиминации некоего внутреннего феноменального аспекта нашего опыта, не связанного с качествами внешних объектов. Если аргумент истинен и совместим с редуктивным репрезентационализмом, то у позиций, принимающих квалиа реализм, исчерпываются ресурсы для противостояния интенционализации и последующей возможной натурализации всех аспектов сознания.

Аргумент от прозрачности

Как говорилось выше, аргумент от прозрачности – важный фактор в принятии репрезентационалистской установки в отношении феноменальных свойств, или квалиа. Интуиции о прозрачности сознания для философии не новы. Схожую идею мы можем наблюдать еще у Дж. Мура в виде констатации «прозрачного» характера сознания (consciousness), которое мы не замечаем [Грязнов, 2006, с. 52–53].

В современные дебаты вокруг квалиа понятие прозрачности вернул Г. Харман в качестве защиты от нападков на функционалистские трактовки сознательного опыта. Вот как звучит каноничный пассаж Хармана: «Посмотрите на дерево и попробуйте направить свое внимание на свойства вашего визуального восприятия. Я предсказываю, вы обнаружите, что внимание можно направить только на свойства представленного дерева...» [Harman, 1990, p. 39].

Харман использует аналогию с картиной: на ней можно увидеть как само изображение, так и краски, которыми она нарисована. В случае же с нашим визуальным опытом мы видим только свойства внешних объектов: их цвет, форму, расположение в пространстве, но не «ментальную краску».

Уже упоминавшийся М. Тай также использует схожий аргумент, когда через наблюдение за синим квадратом пытается эксплицировать для нас интуиции прозрачности визуального опыта:

Интуитивно вы напрямую осознаете голубизну и квадратность как... особенности внешней поверхности. Теперь переведите свой взор внутрь и попытайтесь осознать свой опыт сам по себе, помимо его объектов. Попробуйте сосредоточить свое внимание на некоторой внутренней характеристике опыта, которая отличает его от других переживаний. Задача выглядит невозможной: осознание, кажется, всегда проскакивает через опыт к голубизне и квадратности, представленным вместе во внешнем объекте. Обращая свой разум внутрь, чтобы сосредоточить внимание на своем опыте, в конечном счете вы сосредоточиваетесь на том, что было изначально – на внешних особенностях или свойствах [Tye, 1995, p. 30].

Согласно Таю, получается, что мы осознаем феноменальный характер опыта только опосредованно, через интроспекцию, но это является не более чем осведомленностью о свойствах внешних объектов, то есть он отрицает существование дополнительных внутренних свойств переживания. Можно сказать, что он так же, как и Харман, не признает существования некой ментальной краски, которую мы можем усмотреть через обращение к свойствам самого опыта.

Как подмечает Э. Кайнд, аргумент от прозрачности опыта необязательно поддерживается лишь представителями сильного репрезентационализма, вроде Тая [Kind, 2003]. Положительно к нему относятся и сторонники более умеренных позиций, в частности С. Шумейкер [Shoemaker, 1994]. На первый взгляд в стане репрезентационалистов, считает исследовательница, наблюдается некий консенсус относительно убедительности аргумента от прозрачности, но на самом деле существуют сложности, связанные с интерпретацией главного вдохновителя современных сторонников аргумента – Дж. Мура.

Два тезиса прозрачности Э. Кайнд

По мнению Кайнд, консенсус относительно прозрачности опыта становится сомнительным, если внимательнее посмотреть на предложение, следующее за тем, которое обычно цитируется современными проponentами аргумента: «Когда мы пытаемся интроспектировать ощущение синего (цвета), все, что мы можем обнаружить – это синий цвет: другие элементы, будто прозрачны. *Но их можно выделить, если мы посмотрим внимательно и если мы знаем, что нужно искать* (курсив мой. – А.Г.)» [Kind, 2003, p. 229].

В контексте данной цитаты мы замечаем, что прозрачность может отличать лишь начальный этап нашей интроспекции визуального опыта и попытка «увидеть» внутренние особенности собственного опыта заведомо не обречена на провал. Это не очень состыкуется с позициями Тая и Хармана, которые

явно предполагают, что переключить внимание на такие внутренние свойства опыта в принципе невозможно. Таким образом, Кайнд различает два возможных прочтения тезиса прозрачности:

- *сильная прозрачность* (strong transparency) – невозможно непосредственно обратить внимание на сам опыт, это можно сделать только через объекты, репрезентируемые опытом;
- *слабая прозрачность* (weak transparency) – трудно (но не невозможно) непосредственно направить внимание на сам опыт, просто направление внимания на объекты, представленные опытом, – более легкий способ сделать это [Kind, 2003, p. 230].

Подобное деления тезиса на две части, полагает Кайнд, является весьма проблематичным для редуктивного репрезентационализма Тая, поскольку многими философами принимается скорее слабый тезис, чем сильный. В частности, сама Кайнд склоняется к принятию слабой прозрачности, апеллируя к весьма простой аналогии:

Когда мы рассматриваем парадигмальные примеры прозрачных объектов из повседневной жизни, таких, как окна из стекла, нет сомнений в том, что под прозрачностью должна пониматься именно слабая прозрачность. Окно возле моего стола выходит на крышу дома моего соседа. Когда я смотрю в окно, мне трудно не видеть сквозь него крышу моего соседа. Если моя голова будет под определенным углом, если будет правильный свет, то я могу непосредственно сосредоточиться на стекле самого окна [Kind, 2003, p. 233].

Но данную аналогию вряд ли можно считать аргументом в пользу принятия слабого тезиса. Перед нами, скорее, попытка связать подобную интерпретацию с объектом, который сразу же отсылает к предикату «прозрачный». Пожалуй, это позволяет лишь указать на то, что слово «прозрачность» не совсем удачный выбор, поскольку имеет нежелательные коннотации, которые ослабляют интуитивную силу тезиса прозрачности совершенно нерелевантным, на мой взгляд, способом.

Тем не менее Кайнд правильно подмечает, что обоснованность теоретических претензий сильного репрезентационализма зависит от истинности именно сильного тезиса, поскольку он является фундаментом для рассуждений Тая, представленных в книге [Tue, 2000]. Таким образом, если какая-то позиция, предполагающая принятие слабого тезиса, сможет адекватно отобразить нашу феноменологию, то сильный тезис и редуктивный репрезентационализм могут быть отброшены как излишние конструкции. Далее я рассмотрю позицию философа, который, по моему мнению, предложил весьма элегантную попытку более мягкой интенционализации квалиа. Эту позицию также можно классифицировать как согласующуюся с тезисом слабой прозрачности.

С. Шумейкер и реляционность феноменального характера опыта

С. Шумейкер в статье «Self-Knowledge and “Inner Sense”» предлагает позицию, которая, как он полагает, позволяет совместить репрезентационалистские и феноменологические установки. Шумейкер считает, что мнение большинства философов по-прежнему состоит в том, что у свойств опыта,

доступных в интроспекции, есть «феноменальный», или качественный, характер, и он не устраняется просто констатацией того, в чем заключается его репрезентативное содержание [Shoemaker, 1994, p. 291–292]. Важно отметить, что в данной работе Шумейкер мотивируется, ссылаясь на Селларса, проблемой несоответствия «проявляющегося образа» мира (*manifest image*) как переживаемого феноменологически здесь и сейчас и «научного образа» (*scientific image*), предоставляемого нам научным сообществом. Он приводит пример с болью в пальце ноги, когда наша феноменология, очевидно, отправляет к боли в конкретной части тела, но в то же время с точки зрения научной картины мира мы имеем дело с нервным процессом в мозге [ibid., p. 293]. Дилеммой для Шумейкера выступает следующий вопрос: к чему отнести феноменальный характер опыта – к восприятию внешних объектов или к нашему субъективному переживанию их [ibid., p. 294]? Если мы относим феноменальный характер к переживаемому опыту, то отходим от научного образа мира, поскольку он связывает многие свойства, вроде цвета, со свойствами внешних объектов. Но одновременно, замечает Шумейкер, мы идем наперекор и нашей феноменологии, поскольку естественным путем приписываем цвета, запахи, звуки объектам окружающей нас среды.

Решение, которое предлагает Шумейкер, находится где-то посередине, поскольку феноменальный характер в рамках его позиции становится реляционным свойством. Он развивает данный подход, отталкиваясь в своих рассуждениях от концепции «образного проективизма» (*figurative projectivism*): «Другая точка зрения – это то, что я назвал “образным проективизмом”. Согласно этой точке зрения признается, что квалиа, понимаемые как свойства опыта, не являются свойствами, которые могут видаться как инстанцированные в мире таким же образом, как цвета, к примеру, воспринимаются существующими» [ibid., p. 295]. Более того, в рамках позиции Шумейкера оказывается, что репрезентируемое содержание фиксирует феноменальный характер, который сам по себе не является свойством опыта и также не является квалиа. Финальная взаимосвязь компонентов в этой картине следующая: «квалиа, инстанцированное в опыте, определяет репрезентативное содержание, которое фиксирует феноменальный характер. Получается, что сущность любого такого квалиа заключается в том, что его инстанцирование в опыте вносит определяющий вклад в то, каким будет репрезентативное содержание опыта» [ibid., p. 296].

Но, как подмечает далее Шумейкер, можно помыслить ситуацию, которая бы обнажила проблемные места этой позиции. Предположим, что у нас есть Джек и Джилл, и их цветовые спектры инвертированы относительно друг друга. Когда они оба смотрят на спелый помидор, то их опыт заметно отличается по своему феноменальному характеру, и согласно образному проективизму он должен отличаться и в репрезентативном содержании. Тем не менее, продолжает Шумейкер, образный проективист мог бы согласиться с тем, что опыт обоих репрезентирует помидор и репрезентирует его правильно, как красный [ibid., p. 297]. Финальная позиция Шумейкера появляется в качестве ответа на вопрос, как опыт Джека и опыт Джилла, по-разному репрезентирующие томат, все же не искажают его, учитывая, что одна и та же информация о его внутренней природе получена обоими? Ответ Шумейкера выглядит следующим образом:

Это может быть только потому, что различные свойства, которые их опыт приписывает томату, являются реляционными свойствами. Пусть Q1 – квалиа, связанный с краснотой у Джека, Q2 – квалиа, связанный с краснотой у Джилла. Существует реляционное свойство, конституируемое отношением к переживаниям с Q1. И есть такое же, которое конституируемо отношением к опыту с Q2. Опыт Джека репрезентирует томат имеющим первое из этих реляционных свойств, а опыт Джилла показывает, что он имеет второе. Но на самом деле это и то, и другое [ibid., p. 297].

Итак, хотя содержание опыта Джека и содержание опыта Джилла имеют что-то общее (оба представляют томат как красный), они в то же время различаются таким образом, что ни один из них не искажает томат. Эти реляционные свойства Шумейкер называет феноменальными свойствами опыта [ibid., p. 297]. Однако Джек и Джилл не знают об этих свойствах как реляционных. Подобно тому, как свойство быть тяжелым не воспринимается как реляционное, соответствующие качества красноты также не ощущаются как реляционные. Это свойства объектов, которые они имеет в силу того, что становятся связанными с переживаниями воспринимающих данные объекты субъектов, чей опыт обладает нерепрезентативными свойствами – квалиа. В связи с позицией Шумейкера относительно квалиа, понятого как свойство самого опыта, Кайнд пишет следующее: «У нас есть интроспективное понимание репрезентативного содержания нашего опыта, но только теоретически информированное осознание того, что опыт обладает внутренними свойствами, необходимыми для создания такого репрезентативного содержания» [Kind, 2001, p. 154].

Подводя итоги рассмотрению позиции Шумейкера, можно заключить, что в ее рамках квалиа как свойство самого опыта лишается своей простоты и эпистемической доступности, превращаясь в теоретическую сущность. Последняя необходима для того, чтобы играть скрытую каузальную роль, которая эксплицируется для нас лишь в мысленных экспериментах. Более того, у нас нет непосредственного интроспективного доступа к подобным свойствам, поэтому обозначенный смысл термина квалиа явно не согласуется с понятием «ментальной краски». Только интуиции о возможности инвертированного спектра позволяют нам прийти к понятию квалиа как внутренне присущему самому опыту свойству. Феноменальный же характер опыта отделяется от такого узкого понятия квалиа и перестает быть некой внутренней присущей ему особенностью, становясь очень тесно связанным с репрезентативным содержанием. На мой взгляд, подобный результат мало напоминает привычное понимание квалиа, хотя и согласуется с тезисом слабой прозрачности, сохраняя, пускай и теоретически нагруженную, но все-таки внутреннюю присущность опыту.

Эпистемическое измерение квалиа

В работе «Qualia realism» Э. Кайнд утверждает, что дебаты вокруг квалиа во многом игнорируют их эпистемическое измерение. Данное положение дел она связывает с тем, что направление дебатов берет свое начало из критики функционализма в начале второй половины XX в. Она пишет: «Поскольку философы пришли к вопросу о существовании квалиа путем

рассмотрения правдоподобия функционализма, они были настолько сосредоточены на метафизических соображениях, что упустили из виду важный факт, а именно, что существует эпистемическое измерение понятия квалиа» [Kind, 2001, p. 143]. Как отмечает Кайнд, хотя термин квалиа может различаться в интерпретациях разных философов, тем не менее есть его некий простой дотеоретический смысл. Он в первую очередь связан с эпистемическими терминами, а не с метафизическими. А это значит, что интроспективная доступность к квалиа должна быть непосредственной просто по определению [ibid., p. 149].

На мой взгляд, наша феноменология отлично схватывает непосредственную интроспективную доступность квалиа в эпистемическом измерении, и это совместимо с сильным тезисом прозрачности Тая и Хармана. Я попробую усилить феноменологическую составляющую этого аргумента использованием двух видов интроспекции. Прежде всего обратимся к дихотомии представимости Д. Чалмерса, который различает два вида представимости (на самом деле больше, но для наших целей это не важно): *первоначальную* (prima facie) и *идеальную* [Chalmes, 2002]. По аналогии я ввожу два вида интроспекции.

Первоначальная (prima facie) *интроспекция опыта* – то, каким опыт нам кажется на начальном этапе интроспекции. При этом мы используем минимальный набор теоретических понятий, знаний из «научной картины» мира и т. д. Первоначальную интроспекцию можно назвать дотеоретической. Пример такой интроспекции: смотрим на красный помидор, осознавая, что перед нами какой-то объект, с различными свойствами.

Второй вид – *теоретическая интроспекция опыта*, случай, когда мы совершаем некоторую рефлексивную работу, анализируем свой опыт, подключая доступные нам теоретические факты. Следовательно, это теоретически нагруженная интроспекция. Пример: мы смотрим на картину, но затем, подключая наш теоретический бэкграунд, осознаем, что перед нами оптическая иллюзия.

Вернемся теперь к пассажию М. Тая, который приводился во втором разделе настоящей статьи. Я предлагаю выделить в нем три части: 1) «Интуитивно, вы напрямую осознаете голубизну и квадратность как... особенности внешней поверхности». Дальше Тай предлагает продолжить интроспективную работу: 2) «Теперь переведите свой взор внутрь и попытайтесь осознать свой опыт, сам по себе, помимо его объектов. Попробуйте сосредоточить свое внимание на некоторой внутренней характеристике опыта, которая отличает его от других переживаний». И, наконец, мы возвращаемся к первоначальному положению дел: 3) «Обращая свой разум внутрь, чтобы сосредоточить внимание на своем опыте, кажется, что в конечном итоге вы сосредоточиваетесь на том, что было изначально – на внешних особенностях или свойствах».

Выделенные фрагменты хорошо демонстрируют ход prima facie интроспекции, которая, как я считаю, является естественным сопроводителем наших обычных визуальных переживаний. Она минимально теоретически нагружена, хотя многие понятия, вроде «объекта» и «свойств», видимо, переключали

к нам из специальных дисциплин, тем не менее они уже достаточно органично встроены в естественный язык, в наши «повседневные словари». И, как показывает сильный тезис прозрачности, в результате такой интроспекции мы не обнаруживаем никаких внутренних свойств визуального опыта, лишь свойства репрезентируемых объектов.

Но мы можем пойти дальше и продолжить рефлексивную работу внутри перцептивной визуальной интроспекции. Тогда мы подключаем доступный нам теоретический бэкграунд, используя физические, психологические, художественные и философские теории, чтобы интерпретировать представленное в опыте положение дел в соответствии с нашим критерием рациональности (который у каждого может быть разный). Подобный вид интроспекции поможет нам в соответствии со слабым тезисом прозрачности прийти к косвенному осознанию внутренних свойств опыта, как это делает С. Шумейкер. Тогда мы уходим в метафизическое измерение квалиа (Э. Кайнд) и, как я уже говорил, превращаем квалиа в теоретическую сущность. Но в этом случае квалиа теряет свою эпистемическую сердцевину, перегружается метафизическими интерпретациями, вроде обязательной внутренней присущности опыту самому по себе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что сильный тезис прозрачности хорошо согласуется с эпистемическим измерением квалиа, используемым в широком значении – как феноменальный характер опыта. Цена, которую придется заплатить, выбрав подобную оптику, – элиминация такого предиката квалиа, как «внутренняя присущность», его придется оставить для терминологии метафизического ракурса рассмотрения. Феноменальный же характер, по сути, отождествляется с интенциональным аспектом опыта, теряя свой нейтральный смысл. Таким образом, с одной стороны, мы отдаем дань уважения контексту, в рамках которого и родилось подобное понимание термина квалиа (аргументы от знания, вроде «летучей мыши» Т. Нагеля или «нейроученого Мэри» Ф. Джексона), а с другой – признаем важность интенциональной природы сознания, что согласуется с нашими до-теоретическими интуициями. Но если мы, как и Тай, примем сильный тезис в сумме с редуктивным репрезентационализмом, то возникает сложный вопрос: как совместить классические антифизикалистские аргументы, вроде аргументов от знания, с подобным интенционалистским взглядом на феноменальный аспект опыта? Как мне кажется, репрезентационалисты не смогут полноценно защитить функционализм/физикализм в более широких дебатах о метафизике сознания, но в рамках их теорий вполне возможно прояснение особенностей позиции от первого лица (например, методологии сбора данных от первого лица), что могло бы помочь сгладить разрыв между субъективистской онтологией сознания и объективистской онтологией естественных наук.

Список литературы

- Грязнов, 2006 – *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 375 с.
- Иванов, 2013 – *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с.
- Нагуманова, 2011 – *Нагуманова С.Ф.* Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казан. ун-т, 2011. 222 с.
- Нагуманова, 2012 – *Нагуманова С.Ф.* Сознание как репрезентация // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. № 1. С. 120–129.
- Austin, 1962 – *Austin J.L.* Sense and Sensibilia. Oxford: Oxford University Press, 1962. 154 p.
- Barnes, 1944 – *Barnes W.H.F.* The Myth of Sense-Data // Proceedings of the Aristotelian Society. Vol. 45. No. 1. P. 89–118.
- Block, 2003 – *Block N.* Mental Paint // Reflections and Replies: Essays on the Philosophy of Tyler Burge / Ed. by H.B. Ramberg. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 165–200.
- Byrne, 2001 – *Byrne A.* Intentionalism defended // The Philosophical Review. 2001. Vol. 110. No. 2. P. 199–240.
- Chalmers, 2002 – *Chalmers D.* Does conceivability entail possibility? // Conceivability and Possibility / Ed. by T. S. Gendler, J. Hawthorne. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 145–200.
- Chalmers, 2004 – *Chalmers D.* The representational character of experience // The future for philosophy / Ed. by B. Leiter. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 153–181.
- Harman, 1990 – *Harman G.* The intrinsic quality of experience // Philosophical perspectives. 1990. Vol. 4. P. 31–52.
- Kind, 2001 – *Kind A.* Qualia realism // Philosophical Studies. 2001. Vol. 104. No. 2. P. 143–162.
- Kind, 2003 – *Kind A.* What's so transparent about transparency? // Philosophical Studies. 2003. Vol. 115. No. 3. P. 225–244.
- Kind, 2010 – *Kind A.* Transparency and representationalist theories of consciousness // Philosophy Compass. 2010. Vol. 5. No. 10. P. 902–913.
- Price, 1932 – *Price H.H.* Perception. London: Methuen, 1932. 345 p.
- Robinson, 1994 – *Robinson H.* Perception. London: Routledge, 1994. 272 p.
- Shoemaker, 1994 – *Shoemaker S.* Self-knowledge and «inner sense»: Lecture III: The phenomenal character of experience // Philosophy and phenomenological research. 1994. Vol. 54. No. 2. P. 291–314.
- Tye, 1995 – *Tye M.* Ten Problems of Consciousness. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995. 248 p.
- Tye, 2000 – *Tye M.* Consciousness, Color, and Content. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 198 p.
- Tye, 2002 – *Tye M.* Representationalism and the Transparency of Experience // Noûs. 2002. Vol. 36. No. 1. P. 137–151.

Representationalism and two theses of experience transparency

Alexander A. Gusev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sanya.cfg@yandex.ru

The article deals with the problem of separation of representational (intentional) and phenomenal aspects of conscious experience. The aim of the work is to consider the advantages of reductive representationalism as a philosophical theory of consciousness,

within which the phenomenal aspect is reduced to representational content. The novelty of this research is that the author considers one of the main arguments put forward in favor of representationalism, which has not a detailed analysis in the Russian-language literature. This is an argument from the “transparency of experience”. According to many thinkers, this argument is one of the main motivating factors for adopting a reductionist strategy to the phenomenal qualities of experience. This argument, based primarily on the case of visual perception, is aimed at showing the absence of some inner phenomenal aspect of our experience, not related to the qualities of external objects. The author introduces his own dichotomy of visual experience introspection, which can strengthen the position of reductive representationalists. He refers to the work of Amy Kind, in which she proposed her reading of this argument, highlighting his strong and weak version. Further, as a result of the Sydney Shoemaker’s position analysis, considered as the defender of the weak version of the argument, the author concludes that Shoemaker substitutes the epistemic simple concept of qualia by metaphysical, not grasped in the theoretically unloaded introspection of visual experience. In conclusion, the author suggests that, although representationalism is unlikely to be able to help in the naturalization of consciousness within the framework of an anti-physicalist debate, yet such a view of the mental can play the role of a bridge between the subjectivist ontology of consciousness and the objectivist ontology of the natural sciences.

Keywords: philosophy of mind, philosophy of perception, representationalism, qualia, phenomenal consciousness, intentionality, introspection, sense-data

References

- Austin, J. L. *Sense and Sensibilia*. Oxford: Oxford University Press, 1962. 154 pp.
- Barnes, W. H. F. “The Myth of Sense-Data”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 45, no. 1, pp. 89–118.
- Block, N. “Mental Paint”, in: *Reflections and Replies: Essays on the Philosophy of Tyler Burge*, ed. by M. Hahn, B. Ramberg. Cambridge, MA: MIT Press, 2003, pp. 165–200.
- Byrne, A. “Intentionalism defended”, *The Philosophical Review*, 2001, vol. 110, no. 2, pp. 199–240.
- Chalmers, D. “Does conceivability entail possibility?”, in: *Conceivability and Possibility*, ed. by T. S. Gendler, J. Hawthorne. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 145–200.
- Chalmers, D. “The representational character of experience”, in: *The future for philosophy*, ed. by B. Leiter. Oxford: Oxford University Press 2004, pp. 153–181.
- Gryaznov, A. F. *Analiticheskaya filosofiya* [Analytic philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2006. 375 pp. (In Russian)
- Harman, G. “The intrinsic quality of experience”, *Philosophical perspectives*, 1990, vol. 4, pp. 31–52.
- Ivanov, D. V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [Nature of phenomenal consciousness]. Moscow: Knizhnyj dom “LIBROKOM Publ.”, 2013. 240 pp. (In Russian)
- Kind, A. “Qualia realism”, *Philosophical Studies*, 2001, vol. 104, no. 2, pp. 143–162.
- Kind, A. “Transparency and representationalist theories of consciousness”, *Philosophy Compass*, 2010, vol. 5, no. 10, pp. 902–913.
- Kind, A. “What’s so transparent about transparency?”, *Philosophical Studies*, 2003, vol. 115, no. 3, pp. 225–244.
- Nagumanova, S. F. *Materializm i soznanie: analiz diskussii o prirode soznaniya v sovremennoj analiticheskoy filosofii* [Materialism and Consciousness: An Analysis of the Discussion on

the Nature of Consciousness in Modern Analytical Philosophy]. Kazan: Kazan. un-t Publ., 2011. 222 pp. (In Russian)

Nagumanova, S. F. "Soznanie kak reprezentatsiya" [Consciousness as a representation], *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*, 2012, no. 1, pp. 120–129. (In Russian)

Price, H. H. *Perception*. London: Methuen, 1932. 345 pp.

Robinson, H. *Perception*. London: Routledge, 1994. 272 pp.

Shoemaker, S. "Self-knowledge and 'inner sense': Lecture III: The phenomenal character of experience", *Philosophy and phenomenological research*, 1994, vol. 54, no. 2, pp. 291–314.

Tye, M. *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 198 pp.

Tye, M. "Representationalism and the Transparency of Experience", *Noûs*, 2002, vol. 36, no. 1, pp. 137–151.

Tye, M. *Ten Problems of Consciousness*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995. 248 pp.